

Художественная коммуникация и нарративная достоверность: метадискурсивные маркеры как инструмент интеграции читателя в англоязычной прозе

Literary Communication and Narrative Credibility: Metadiscursive Markers as a Tool for Reader Integration in English-Language Prose

DOI: 10.12737/2587-9103-2026-15-4-22-27

Получено: 13 мая 2026 г. / Одобрено: 25 июня 2026 г. / Опубликовано: 26 августа 2026 г.

О.С. Федотова

Д-р филол. наук, доцент,
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина,
Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46,
e-mail: o.fedotova@rsu-rzn.ru

O.S. Fedotova

Dr. Ph.D in Philology, Associate Professor,
Ryazan State University named for S.A. Yessenin,
46, ul. Svobody, Ryazan, 390000, Russia
e-mail: o.fedotova@rsu-rzn.ru

Аннотация

В статье рассматриваются способы достижения убедительности повествования в англоязычной художественной прозе через призму коммуникации между автором и читателем. Обосновывается, что категория «нарратив» позволяет снять противопоставление между статичной структурой произведения и динамикой его порождения, предлагая целостный взгляд на природу художественного текста. Эмпирический фокус исследования направлен на метадискурсивные единицы – личные и притяжательные местоимения, вводные обороты, обращения к адресату. Анализ конкретных примеров из прозы XIX–XX веков показывает, что именно эти, на первый взгляд служебные, элементы выполняют ключевую роль в установлении контакта с читателем. Они не просто сопровождают основное содержание, но активно формируют иллюзию непосредственного разговора, вовлекая реципиента в фикциональный мир. Такой подход позволяет пересмотреть традиционное понимание достоверности: она возникает не столько из правдоподобия событий, сколько из лингвистически организованного диалога. Метадискурс, с этой точки зрения, выступает главным инструментом создания «эффекта реальности», превращая читателя из пассивного наблюдателя в соучастника повествования.

Ключевые слова: художественная коммуникация, метадискурс, нарративная достоверность, нарратив, текст, дискурс, эффект реальности, автор – читатель, местоименный дейксис, англоязычная художественная проза.

Abstract

The article examines the means of achieving narrative credibility in English literary prose through the lens of author-reader communication. It argues that the category of "narrative" helps to overcome the opposition between the static structure of a text and the dynamics of its production, offering an integrated view of the nature of literary discourse. The empirical focus of the study is on metadiscursive markers – personal and possessive pronouns, parenthetical constructions, and address forms. The analysis of specific examples from 19th–20th century prose demonstrates that these seemingly auxiliary elements play a crucial role in establishing contact with the reader. They not only accompany the main content but actively create the illusion of direct conversation, drawing the recipient into the fictional world. This approach allows for a reconsideration of the traditional understanding of credibility: it arises not so much from the plausibility of events as from a linguistically structured dialogue. Metadiscourse, from this perspective, serves as the primary instrument for producing the "reality effect", transforming the reader from a passive observer into a participant in the narrative.

Keywords: literary communication, metadiscourse, narrative credibility, narrative, text, discourse, reality effect, author–reader, pronominal deixis, English-language literary prose.

Введение

Художественная проза представляет собой сложный семиотический объект, анализ которого требует междисциплинарного инструментария. Проблема достоверности художественного повествования традиционно находится в фокусе нарратологии, однако достоверность (правдоподобие) нарратива как ключевой фактор его воздействия на читателя создаётся не только сюжетом, но и языковыми средствами, которым уделяется меньше внимания. Цель настоящей статьи – показать функциональную роль метадискурсивных маркеров в формировании нарративной достоверности в рамках художественной коммуникации, понимаемой как диалогическое взаимодействие автора и читателя, опосредованное текстом.

Для достижения этой цели необходимо решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, определить методологический статус базовых понятий «текст»,

«дискурс» и «нарратив» применительно к когнитивному анализу художественной прозы; во-вторых, на этой методологической основе проанализировать конкретные метадискурсивные маркеры как инструмент конструирования нарративной достоверности.

1. Терминологическая триада «текст – дискурс – нарратив» в когнитивном исследовании художественной прозы

В современной лингвистике [3; 5; 6 и др.] дискурс трактуется как единство текстовой материи и продуцирующего ее контекста. Ключевая идея заключается в том, что конкретный выбор и организация языковых средств детерминированы не только правилами грамматики, но и внешними условиями: социальной средой, культурными кодами, целевыми установками автора и его представлениями об адресате. Поэтому дискурс – это, прежде всего, процесс

(акт коммуникации), результатом которого становится статичный продукт — текст.

Е. Г. Беляевская предлагает рассматривать дискурс через призму когнитивно-коммуникативного подхода, интерпретируя его как динамическую программу построения высказывания. Согласно её определению, данная программа интегрирует целеполагание автора, выбор стратегий вербализации и весь спектр контекстуальных условий общения [2, с. 106]. Важным следствием такого понимания является возможность выявления типологических инвариантов в структуре различных дискурсов. Конститутивные «силовые линии», образующие ткань конкретного дискурса, часто обладают транслируемостью, складываясь в узнаваемые модели. Так, в пространстве художественного дискурса фигура автора-нарратора, независимо от индивидуального стиля, реализует определённые инвариантные функции. Для их выполнения используется общий арсенал приёмов, служащий двум ключевым задачам: интерактивной (эксплицитный или имплицитный диалог с реципиентом) и воздействующей (модификация читательского восприятия и сознания). М. Флудерник развивает эту мысль, постулируя универсальный характер повествовательной коммуникации. Она утверждает, что в художественном тексте имплицитно или эксплицитно всегда представлена коммуникативная схема с фигурой нарратора — даже в тех случаях, когда его присутствие намеренно камуфлируется автором для создания эффекта непосредственности [13, с. 33].

Анализ современных исследований в области лингвистики и коммуникативистики позволяет выделить ряд ключевых положений относительно соотношения понятий «текст» и «дискурс». 1. Сложность терминологического разграничения коренится в общности их референта — оба понятия описывают совокупность речевых произведений (устных или письменных). Их дифференциация является не эмпирической, а методологической: она отражает не разные объекты, а различные исследовательские оптики, применяемые к одному и тому же коммуникативному явлению. 2. Выбор термина, таким образом, представляет собой выбор аналитической перспективы. Термин «текст» актуализирует рассмотрение речевого произведения как завершённого статичного объекта, формальной структуры. В свою очередь, «дискурс» смещает фокус на динамический аспект — на сам процесс коммуникации, который порождает данную структуру, рассматривая текст как его результат и моментальный снимок. 3. Дискурс-анализ сосредоточен на процессе кодирования информации в условиях реального коммуникативного акта. Дискурс понимается как система когнитивных и социальных механизмов, управляющих порожде-

нием речи. Предметом изучения становится влияние на этот процесс широкого контекста — от непосредственной ситуации общения до макросоциальных и идеологических факторов. Таким образом, дискурс-анализ характеризуется интересом к внешним (экстралингвистическим) детерминантам формирования речевого произведения. 4. Текстовый анализ, напротив, ориентирован на процедуры декодирования и интерпретации уже созданного сообщения. Он принимает точку зрения реципиента (читателя/слушателя) и исследует внутреннюю организацию произведения: логико-семантические связи между высказываниями, архитектуру целого и частей, внутритекстовые механизмы создания связности и смысла. При этом эффективность анализа (и, соответственно, объём извлекаемой информации) возрастает, если реципиент реконструирует не только статичную структуру, но и возможные дискурсивные механизмы её формирования.

В современном литературоведении и лингвистике [4; 7; 13; 17 и др.] художественную прозу принято классифицировать как нарратив. Данный подход позволяет преодолеть дихотомию «текст vs. дискурс». Если под текстом понимается законченный результат речевой деятельности (письменный документ), а под дискурсом — процесс его порождения в широком контексте социальных, культурных и лингвистических факторов, то термин «нарратив» актуализирует их неразрывное единство. Он рассматривает формальную структуру произведения в синтезе с механизмами её создания и восприятия, что делает его ключевым инструментом для когнитивного анализа смысловой архитектоники текста.

В рамках западной лингвистической мысли нарратология утвердилась как самостоятельная дисциплина, объектом которой выступает повествование (нарратив) в широком смысле — его глубинные механизмы порождения и архитектоника системной организации. Так, в фундаментальном труде А. Принса *A Dictionary of Narratology* нарратив трактуется как «развернутое представление (одновременно как результат и процесс, объект и акт творения, структура и действие по структурированию) одного или множества событий — реальных либо вымышленных — осуществляемое одним или несколькими нарраторами (явными или имплицитными) для одной или нескольких аудиторий (эксплицитных или подразумеваемых)» [18, с. 58]. Из данного определения вытекает несколько принципиальных положений. Во-первых, сфера нарратива не ограничивается художественным творчеством, но охватывает любое упорядоченное изложение фактов или событий. Во-вторых, А. Принс эксплицитно обозначает бинарную природу повествования, выделяя что (содержательную

сторону, историю) и как (формально-процессуальную сторону, дискурс) — т.е. сам нарративный акт и способы его организации. Эта дихотомия «история / дискурс» является краеугольным камнем современной нарратологической теории и носит общепризнанный характер.

Таким образом, правомерно сформулировать промежуточное заключение: понятие нарратива выполняет интегративную функцию по отношению к исследованиям текста и дискурса. Оно преодолевает ограничения классической дихотомии, в рамках которой текст квалифицируется как статичный продукт речевой деятельности и противопоставляется дискурсу, трактуемому как динамический процесс, аккумулирующий социокультурные, темпоральные и эстетические параметры. Нарратив синтезирует указанные понятия, обеспечивая возможность анализа повествования как целостного феномена.

Фигура нарратора-повествователя имманентно присутствует в художественном произведении, однако её эксплицитная репрезентация не является обязательной. Автор конструирует коммуникативное взаимодействие с читателем, причём данная художественная коммуникация может реализовываться как в эксплицитной, так и в имплицитной формах. В любом случае, в структуре текста всегда обнаруживаются определённые метадискурсивные маркеры, модулирующие рецепцию авторской интенции со стороны читателя.

Нарратологический подход, базирующийся на универсальных механизмах повествования, представляет собой наиболее релевантную стратегию для проведения лингвокогнитивного анализа. Он позволяет исследовать не только внутреннюю смысловую архитектуру текста, но и когнитивные схемы, интенции и контекстуальные модели, лежащие в его основе. Таким образом, применение нарративной парадигмы открывает перспективы для глубокого междисциплинарного исследования художественной прозы, соединяя лингвистический анализ формы с изучением когнитивных и коммуникативных процессов её порождения и восприятия.

2. Метадискурсивные маркеры как механизм конструирования достоверности

В истории нарратологии и литературной теории концепция достоверности повествования претерпела значительную эволюцию. Одним из ключевых моментов этой эволюции стала работа французского структуралиста Р. Барта «Эффект реальности» (*L'Effet de réel*), опубликованная в 1968 году. В этом эссе Р. Барт пересматривает классическое понятие реализма, предлагая рассматривать достоверность не

как свойство текста отражать действительность, а как результат специфической работы языка. Исследователь показывает, что достоверность — это не правда, а правдоподобие, которое создается риторическими средствами. Нарратив убеждает нас не потому, что он точен, а потому, что он умело имитирует «избыточность» реального мира с помощью знаков, главная функция которых — означать собственную непричастность к вымыслу [8].

В связи с вышесказанным, возникает необходимость рассмотреть, каким образом автор художественного произведения структурирует события фикциональной реальности и соединяет их в единое целое. В современной лингвистической науке в последнее время появилось большое количество исследований, посвященных метадискурсивной организации текста. В частности, исследователи конструируют различные модели интерпретации вымышленных событий, стремясь упорядочить хаос фикциональной реальности. В основе этих построений лежат инструменты, заимствованные преимущественно из арсенала психолингвистики и когнитивных наук. Примечательно разнообразие оптик, сквозь которые ученые рассматривают повествовательный универсум. Так, М.-Л. Райан предлагает рассматривать текст через призму когнитивных карт, фиксирующих ментальные траектории персонажей [19]. У. Эко, напротив, материализует нарратив в буквальном смысле, нанося на план города маршруты литературных героев [9]. Ф. Моретти визуализирует незримые связи между действующими лицами, выстраивая сложные сети социальных взаимодействий [16]. Иной ракурс предлагают Д.К. Элсон, фокусирующийся на интенциональной структуре истории — своего рода «таблице заключенных в ней намерений» [10], и М. Флудерник, оперирующая понятием когнитивных фреймов как матриц читательского восприятия [13]. Каждый из этих подходов представляет собой уникальный способ картографирования смыслов, позволяющий превратить линейный текст в многомерную модель возможных миров.

Исследуя семантику элемента «мета-», Е.Г. Беляевская обращается к терминам естественных наук и показывает, что значение «мета-» базируется на целом комплексе ориентационных концептуальных метафор. Исходя из этого, Е.Г. Беляевская приходит к выводу, что метадискурс может и должен рассматриваться с трех различных, но взаимодополняющих позиций: с точки зрения продуцента (автора/говорящего): как он выстраивает свою речь, комментирует ее, управляет вниманием адресата; с точки зрения реципиента (читателя/слушателя): как он воспринимает не только фактуальную информацию, но и сигналы, организующие его интерпретацию; точки зрения

лингвиста-исследователя: как внешний наблюдатель, изучающий эти механизмы. Такой подход позволяет преодолеть узость предыдущих трактовок и создать объемную модель для описания концептуальных структур, лежащих в основе любой дискурсивной деятельности [1].

Одной из фундаментальных характеристик метадискурсивной организации художественного произведения является эксплицитная вербализация коммуникативной оси «автор — читатель». Языковые средства, функционирующие в данной плоскости, не только маркируют фигуру повествователя, но и актуализируют образ адресата как активного участника литературной коммуникации. Материалом для анализа послужили произведения англоязычной прозы XIX–XX вв.

Первостепенное значение в структуре метадискурса принадлежит маркерам, референциально соотносящимся с фигурой повествователя. Классическим примером служит эксплицитное проявление авторского «Я», как в следующем фрагменте: 1) *Finally came the parting with Miss Amelia, over which picture I intend to throw a veil* [20, с. 56]. Использование личного местоимения первого лица единственного числа в сочетании с модальным глаголом намерения (*intend*) выполняет здесь стратегическую функцию: автор демонстративно дистанцируется от нарратива, сигнализируя о селективности собственного повествования и тем самым управляя читательским ожиданием.

Симметричным, но функционально иным маркером выступает прямая номинация адресата. В следующем контексте фигура читателя вводится посредством апеллятивной конструкции: 2) *But my kind reader will please to remember that this history has 'Vanity Fair' for a title...* [20, с. 71]. Здесь показателен комплекс метадискурсивных сигналов. Атрибутивное словосочетание *my kind reader* выполняет фатическую функцию, устанавливая эмоциональный контакт и имплицитно отношения интеллектуальной близости («свой» читатель). Одновременно с этим предикат ментальной сферы (*remember*) активизирует когнитивные усилия адресата, вовлекая его в процесс интерпретации художественного мира.

Особый пласт метадискурсивных средств образуют личные и притяжательные местоимения (*we, us, our, you, your*), выступающие в дейктической функции. Семантический объем инклюзивного «мы» (*inclusive we*) представляет особый интерес, поскольку оно конструирует общее когнитивное и аксиологическое пространство. Данная форма может как объединять нарратора и читателя в оппозиции к «внешним» субъектам, так и создавать эффект сопричастности, как в контексте 3), где противопоставление *we* и *they*

маркирует ценностный конфликт: 3) *They possess and enjoy early, and it does something to them, makes them soft where we are hard, and cynical where we are trustful* [11, с. 97]. В свою очередь, местоимение второго лица (*you*) выполняет функцию прямой адресации, имитируя параметры устного диалогического дискурса. Оно нивелирует временную и пространственную дистанцию между создателем текста и его получателем, как, например, в следующем контексте: 4) *They are different from you and me* [11, с. 97].

Помимо местоименных маркеров, значимым ресурсом метадискурса выступают парентезисные конструкции (вводные слова и клишированные обороты). Данные элементы транспонируют признаки спонтанной устной речи в плоскость письменного текста, способствуя его персуазивности и эмоциональной насыщенности. Наблюдения над фактическим материалом показывают высокую частотность таких единиц, как *surely, as you know, perhaps, of course, really*, которые выполняют функцию модусной рамки высказывания: 5) *Surely all this is not without meaning* [15, с. 22–23]; 6) *Daisy was popular in Chicago, as you know* [12, с. 50]; 7) *...but perhaps it was just as well she hadn't risked it* [14, с. 17].

Резюмируя вышесказанное, следует заключить, что метадискурс автора представляет собой сложный многоуровневый комплекс языковых средств, ориентированных на оптимизацию читательской рецепции. Интегрируя элементы разговорного синтаксиса и прямые обращения, автор не просто транслирует информацию, но моделирует ситуацию доверительного межличностного общения. Эта стратегия направлена на удержание внимания реципиента и его интеграцию в фикциональную реальность произведения, превращая пассивное восприятие в активный диалог.

Выводы и заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение для развития лингвокогнитивного и нарратологического подходов к анализу художественной прозы. В результате теоретического анализа установлено, что понятие «нарратив» выполняет интегративную функцию по отношению к оппозиции «текст — дискурс». Если текст квалифицируется как статичный продукт речевой деятельности, а дискурс — как динамический процесс, опосредованный социокультурным и коммуникативным контекстом, то нарратив синтезирует оба аспекта, позволяя исследовать художественное произведение как целостное единство формальной структуры, механизмов её порождения и когнитивных стратегий восприятия.

Эмпирический анализ метадискурсивных маркеров в текстах XIX–XX веков (на материале произведений У. М. Теккерея, Г. Мелвилла, Ф. С. Фицджеральда, У. С. Моэма и др.) показал, что именно данные единицы — личные и притяжательные местоимения (*I, we, you, our, your*), апеллятивные конструкции (*my kind reader*), вводные обороты и парентезисные клише (*surely, of course, as you know, perhaps*) — служат основным инструментом конструирования нарративной достоверности. Вопреки традиционному взгляду, достоверность возникает не столько из правдоподобия фабульных событий, сколько из лингвистически организованной иллюзии непосредственного диалога между автором и читателем.

Функциональная специфика выявленных маркеров заключается в их способности моделировать различные коммуникативные регистры: эксплицитное проявление авторского «Я» (*I intend to throw a veil*) демонстрирует управление повествованием и селективность нарратива; инклюзивное «мы» (*we vs. they*) конструирует общее аксиологическое пространство и эффект сопричастности; прямое обращение

ко второму лицу (*you*) и номинации адресата нивелируют темпорально-пространственную дистанцию, транспонируя параметры устного диалога в письменный текст. Парентезисные конструкции, в свою очередь, имитируют спонтанность речемыслительной деятельности, усиливая персуазивность и эмоциональную насыщенность повествования.

На основании полученных данных пересматривается традиционное понимание категории «эффект реальности» (Р. Барт). Метадискурсивные маркеры выступают не как периферийные или служебные элементы, а как ключевой механизм создания фикционального правдоподобия. Они превращают адресата из пассивного наблюдателя в активного соучастника нарративной коммуникации, имплицитно его когнитивное и эмоциональное вовлечение в художественный мир произведения. Таким образом, нарративная достоверность предстаёт не как имманентное свойство текста, а как результат успешного лингвистически опосредованного взаимодействия между интенциями автора и интерпретационными усилиями читателя.

Литература

1. Беляевская Е.Г. К определению понятия «метадискурс» [Текст] / Е.Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. — 2016. — № 24. — С. 137–149.
2. Беляевская Е.Г. Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации) [Текст] / Е.Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. — 2010. — № 7. — С. 101–109.
3. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. — 2007. — № 5. — С. 86–95.
4. Косиченко Е.Ф. Интерпретирующая роль нарративного метода в жанре притчи (на материале рассказа Р. Бредбери «Massinello Pietro») [Текст] / Е.Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2026. — № 1. — С. 131–138.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. [Текст] / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянских культур, 2004. — 560 с.
6. Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах [Текст] / Л.А. Манерко // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. — 2013. — № 1. — С. 100–118.
7. Михайлова А.Г. Нарративные стратегии текстообразования англоязычного дискурса [Текст] / А.Г. Михайлова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. — 2022. — № 1. — С. 101–106.
8. Barthes R. The Reality Effect // The Rustle of Language. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 141–148.
9. Eco U. Six Walks in the Fictional Woods. Harvard University Press, reprint edition, 1995.
10. Elson D.K. Modeling Narrative Discourse. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2012.
11. Fitzgerald F.S. Selected Short Stories. M.: Progress Publishers, 1979. 357 p.
12. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. London: Wordsworth Classics, 1993. 115 p.
13. Fludernik M. Metanarrative and Metafictional Commentary // Poetica. 2003. Vol. 35. Pp. 1–39.
14. Maugham W.S. Theatre. M.: Менеджер, 2002. 304 p.
15. Melville H. Moby Dick. London: Penguin Popular Classics, 1994. 536 p.
16. Moretti F. Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for a Literary History. London: Verso, 2005.
17. Nünning A. Metanarration als Lakune der Erzähltheorie: Definition, Typologie und Grundriss einer Funktionsgeschichte metanarrativer Erzähleräußerungen // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 2001. Vol. 26. Pp. 125–164.
18. Prince G. A Dictionary of Narratology. Aldershot: Scolar Press, 2003 (1st ed. 1987).
19. Ryan M.-L. Cognitive Maps and the Construction of Narrative Space // Narrative Theory and Cognitive Sciences / ed. D. Herman. Stanford, California: CSLI, 2003. Pp. 214–243.
20. Thackeray W.M. Vanity Fair. London: Wordsworth Classics, 2001. 694 p.

References

1. Belyaevskaya E.G. K opredeleniyu ponyatiya "metadiskurs" [On Defining "Metadiscourse"] / E. G. Belyaevskaya // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. 2016. № 24. S. 137–149. (In Russian).
2. Belyaevskaya E.G. Tekst kak prostranstvennaya struktura (k probleme urovnej kategorizatsii) [Text as Space Structure (On the Problem of Categorization Levels)] / E. G. Belyaevskaya // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. 2010. № 7. S. 101–109. (In Russian).
3. Dem'yankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyden'nogo yazyka [Text and Discourse as Terms and as Words of Everyday Language] / V.Z. Dem'yankov // Voprosy filologii [Issues in Philology]. 2007. № 5. S. 86–95. (In Russian).
4. Kosichenko E.F. Interpretiruyushchaya rol' narrativnogo metoda v zhanre pritchi (na materiale rasskaza R. Bredberi «Massinello Pietro») [The Interpretative Function of the Narrative Method in the Literary Genre of Fable (Analysis of "Massinello

- Pietro" by R. Bradbury)] / E.F. Kosichenko // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University: Humanities]. 2026. № 1. S. 131–138. (In Russian).
5. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge. On the Path to Acquiring Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in Understanding the World] / E.S. Kubryakova. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. 560 s. (In Russian).
 6. Manerko L.A. Struktury znaniy, predstavlenyye v khudozhestvennom i akademicheskom diskursakh [Knowledge structures embodied in fictional and academic discourse]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda [Moscow University Bulletin. Series 22: Translation Theory]. 2013. № 1. S. 100–118. (In Russian).
 7. Mihajlova A. G. Narrativnye strategii tekstoobrazovaniya angloyazychnogo diskursa [Narrative Strategies of Text Formation in English-Language Discourse] / A. G. Mihajlova // Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya [At the Crossroads of Languages and Cultures: Current Issues in the Humanities]. 2022. № 1. S. 101–106. (In Russian)
 8. Barthes R. The Reality Effect // The Rustle of Language. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 141–148.
 9. Eco U. Six Walks in the Fictional Woods. Harvard University Press, reprint edition, 1995.
 10. Elson D.K. Modeling Narrative Discourse. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2012.
 11. Fitzgerald F.S. Selected Short Stories. M.: Progress Publishers, 1979. 357 p.
 12. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. London: Wordsworth Classics, 1993. 115 p.
 13. Fludernik M. Metanarrative and Metafictional Commentary // Poetica. 2003. Vol. 35. Pp. 1–39.
 14. Maugham W.S. Theatre. M.: Менеджер, 2002. 304 p.
 15. Melville H. Moby Dick. London: Penguin Popular Classics, 1994. 536 p.
 16. Moretti F. Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for a Literary History. London: Verso, 2005.
 17. Nünning A. Metanarration als Lakune der Erzähltheorie: Definition, Typologie und Grundriss einer Funktionsgeschichte metanarrativer Erzähleräußerungen // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 2001. Vol. 26. Pp. 125–164.
 18. Prince G. A Dictionary of Narratology. Aldershot: Scolar Press, 2003 (1st ed. 1987).
 19. Ryan M.-L. Cognitive Maps and the Construction of Narrative Space // Narrative Theory and Cognitive Sciences / ed. D. Herman. Stanford, California: CSLI, 2003. Pp. 214–243.
 20. Thackeray W.M. Vanity Fair. London: Wordsworth Classics, 2001. 694 p.